

МЕТОДОЛОГИЯ

*А.А. МАЛЬЦЕВ***Феномен “национальной диспропорциональности” в развитии истории экономической мысли: в поисках альтернативной интерпретации**

В статье выделены и проанализированы некоторые из существующих интерпретаций феномена “национальной диспропорциональности” в развитии истории экономических учений. Предложено авторское объяснение парадокса неравномерной представленности в истории экономической мысли теоретических концепций ученых из разных стран мира. В связи с этим проанализированы такие проблемы, как связи прорывных инноваций в достижении лидерства в глобальной экономике и хозяйственной практике и процессов развития экономической мысли.

Ключевые слова: экономическая наука, “национальная диспропорциональность” в развитии истории экономических учений, история экономических учений.

DOI: 10.7868/S0869049918030097

История экономических учений (ИЭУ) полна неразгаданными парадоксами. Десятилетиями специалисты дискутируют о влиянии политической идеологии на экономическую мысль, анализируют особенности влияния доминирующих локальных интеллектуальных традиций на специфику занятия экономическими исследованиями в тех или иных странах. Признавая безусловную значимость обсуждения данных вопросов, нельзя не заметить, что энергичная полемика вокруг них очень часто приводит к недооценке значимости изучения не менее важных явлений. В частности, малоисследованным остается метко названный Ю. Латовым парадокс “национальной диспропорциональности” в развитии истории экономических учений. Особенно остро необходимость внимательного изучения данного феномена стоит перед учеными, примыкающими к набирающему популярность релятивистскому флангу историко-экономической методологии (см., подробнее [Мальцев 2016⁶]). Дело в том, что занимаемая свойственную релятивистам позицию «нет “плохих” или “хороших” экономических теорий — все они продукты своего времени и места», сложно дать убедительную трактовку причин, в силу которых в течение последних столетий в экономической науке доминируют теоретико-методологические стандарты, вызревающие в недрах академических культур всего нескольких государств мира. Ведь если исходить из этой

* Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-5700.2016.6.

М а л ь ц е в Александр Андреевич — кандидат экономических наук, доцент Уральского государственного экономического университета. Адрес: 8 Марта ул., д. 62, Екатеринбург, 620144
E-mail: almalzev@mail.ru

предпосылки, то в “золотом фонде” экономической мысли идеи экономистов из разных государств должны быть представлены сравнительно одинаково.

Однако не заметить серьезный “национальный” перекося в развитии ИЭУ крайне трудно. Как справедливо замечает Латов, если окинуть ретроспективным взглядом картину развития экономической науки в XVIII – начале XXI столетия, то окажется, что “сначала знаменитые экономические теории создаются как бы конкурирующими англо- и немецкоязычными учеными, затем на авансцене остаются одни лишь англоговорящие экономисты” [Латов 2007, с. 27]. Между тем, невзирая на всю актуальность изучения причин, вызывающих изменение расклада сил в глобальном экономикотeorетическом пространстве, такого рода исследования проводятся достаточно редко и/или их авторы, чаще всего, изучают лишь некоторые аспекты данной проблемы, в частности пытаются пролить свет на причины американизации экономического дискурса во второй половине XX столетия.

В данной статье я предлагаю сначала остановиться на кратком обзоре существующих попыток интерпретации парадокса неравномерной представленности в ИЭУ теоретических концепций, “вызревавших” в разных регионах мира. Затем представлю свое объяснение парадокса “национальной диспропорциональности” в развитии истории экономической мысли, задействуя результаты, полученные в ходе первого этапа исследования рассматриваемой проблемы [Мальцев 2016^a]. После этого попытаюсь установить связь между особенностями технико-институциональной среды некоторых стран мира, их положением в мировой экономике и популярностью местных экономистов.

Некоторые интерпретации феномена “национальной неравномерности” в развитии экономической мысли

Дискуссия о причинах господства той или иной национальной экономической традиции приобрела особую остроту в последние полвека, когда преобладание “американского стиля в экономической науке” [Choi 1996, p. 105] стало носить форму теоретико-методологической монополии. При этом эксперты чаще всего связывают торжество “американской исследовательской повестки” [Groenewegen 1996, p. 65] с эмиграцией в 1920–1940-е гг. в США звездной команды европейских экономистов, вынужденных покинуть сползавший в пучину тоталитарной диктатуры Старый Свет. В статье профессора Гогенгеймского университета Х. Хагеманна приводятся данные, подтверждающие, что в предвоенные десятилетия экономическая наука Соединенных Штатов получила колоссальное интеллектуальное обогащение за счет европейских эмигрантов. Например, только с территории Российской империи в США в этот период уехали 24 из 36 “наиболее выдающихся экономистов”, чьи имена впоследствии украсили сборник М. Блауга “Кто есть кто в экономике”, включающий в себя данные о более 1300 ученых, живших в 1700–1986 гг. Из государств, некогда составлявших Австро-Венгрию, в США перебрались 36 из 50 авторитетных исследователей. В общей сложности “Соединенные Штаты обрели 161 экономиста-мигранта, что составило примерно 30% от общего числа [знаменитых] экономистов, рожденных в данной стране” [Hagemann 2011, p. 644]. Если учесть, что в числе приезжих фигурировали фамилии таких гигантов экономической мысли, как П. Баран, А. Гершенкрон, Г. Гроссман, Л. Гурвич, Е. Домар, А. Директор, С. Кузнец, Э. Ледерер, В. Леонтьев, Дж. Маршак, Ф. Махлуп, О. Моргенштерн, Г. Хаберлер, Й. Шумпетер и др., то становятся понятными слова П. Самуэльсона: “Триумфальный подъем американской экономической теории после 1940 г. был чрезвычайно ускорен приездом ученых из... Европы” [Samuelson 1988, p. 319].

Помимо чисто имиджевых дивидендов, столь масштабный трансфер интеллектуального капитала привел к «становлению „американской экономической теории“, то есть признанных во всем мире аналитических и методологических стандартов экономической профессии». Как нетрудно догадаться, учитывая образовательный

бэкграунд, а также увлеченность многих эмигрантов математическими методами анализа, «эти стандарты определялись растущей значимостью использования математической экономики и эконометрики, превратившихся в “отличительную черту современной экономической мысли”» [Gualerzi, Cibils 2014, p. 139]. Таким образом, по мнению некоторых исследователей, важнейшей особенностью привнесения на североамериканскую почву зерен континентальной “ортодоксальной математической неоклассической теории” [Rosser, Holt, Colander 2010, p. 7] стало вызревание к началу 1950-х гг. всеобщего математического языка, “обеспечивавшего взаимное понимание среди исследователей, принадлежащих к разным культурным традициям” [Kawamata 2000, p. 120]. “Универсальность математики позволила людям, не владеющим английским языком, работать и соревноваться в мировой экономической науке”, — утверждают Дж.Б. Россер, Р. Хольт и Д. Коландер [Rosser, Holt, Colander 2010, p. 6]. Иными словами, триумф США на экономико-теоретическом “поле” второй половины XX столетия в такой интерпретации объясняется завершением своеобразного Вавилонского столпотворения в стане экономистов в результате появления интернационального и всем доступного *lingua franca*, быстро вытеснившего прочие способы занятия экономической теорией в разряд развлечения для редких оригиналов.

Вне всяких сомнений, такая интерпретация перехода переднего фланга экономической науки под американские знамена имеет право на существование. Трудно усомниться в том, что математизированный *economics*, завернутый в привлекательную для мирового научного сообщества, только что избавившегося от фашистских кошмаров, обертку “мультикультурной науки”, неплохо подходил для распространения за пределами США. Удобство преподавания формализованной экономической теории, ставшее еще одним немаловажным аргументом в пользу роста популярности американского типа экономического мышления среди значительной части экономистов по всему миру, также не подлежит сомнению (см. подробнее [Автономов 2006, с. 204]).

Между тем специалисты, связывающие победу американских экономико-методологических стандартов в битве за умы и сердца послевоенных исследователей с красивой историей о волшебном превращении математической экономики в теоретический камертон, едва ли способны ответить на следующие вопросы. Во-первых, не ясно, что мешало математизации экономической теории до наступления трагических событий Второй мировой войны, если многие действующие лица будущей “количественной революции” (*quantitative revolution*) к этому времени не только появились на свет, но и уже зарекомендовали себя достаточно известными учеными. Во-вторых, в такой постановке вопроса остается загадкой, почему США, а не Британия, встали в авангарде *economics*. Ведь экономисты, работавшие в Соединенном Королевстве, в равной степени со своими американскими коллегами заслуживают звания архитекторов здания экономической науки XX столетия. Если вспомнить, что именно в британских университетах в 1930–1940-е гг. творили Р. Аллен, М. Добб, Н. Калдор, Р. Кан, К. Кларк, А. Льюис, Дж. Мид, Л. Роббинс, Д. Робертсон, Дж. Робинсон, П. Сраффа, Р. Стоун, Р. Харрод, Дж. Хикс, Дж. Шэкл, не говоря уже о таких легендах, как Дж.М. Кейнс и Ф. фон Хайек, то ситуация с победой экономической “сборной” Соединенных Штатов становится еще более запутанной.

В поисках разгадки этого триумфа некоторые исследователи прибегают к использованию приемов мир-системного анализа. Так, по мнению Латова, причина слабого присутствия неамериканских экономистов в глобальном пантеоне экономико-теоретической славы кроется в том, что интеллектуальное лидерство на экономическом поле — продолжение мирохозяйственного доминирования той или иной державы. Иными словами, если экономист творит за пределами культурного пространства страны — лидера эпохи, то есть США, шансы на то, что его идеи получат должное признание, к сожалению, невелики [Латов 2007]. Крупный российский исследователь ИЭУ Г. Гловели также указывает на плодотворность использования мир-системной методологии для объяснения природы доминирования американской экономической теории в современном экономико-теоретическом дискурсе. С его точки зрения, господство сегодняшнего мейнстрима — отражение победы Соединенных Штатов

в “конкуренции национальных экономических систем, а точнее — гегемонии США в МСЯ (мир-системном “ядре”, или центре современной капиталистической мир-экономики)” [Гловели 2014, с. 247]. Близкие выводы в отношении причин господства неоклассической теории — как сердцевины мейнстрима — высказывал именитый канадский политолог С. Кларксон [Clarkson 1993, p. 61].

Значительный потенциал приложения мир-системного подхода к изучению ИЭУ не подлежит сомнению. Тем не менее нельзя не отметить, что предлагаемая ее авторами схема интерпретации развития ИЭУ нуждается в дополнительных пояснениях. Скажем, в знакомых нам работах, где развитие ИЭУ анализируется при помощи мир-системного подхода, отсутствует формализованное доказательство тезиса о взаимосвязи между утратой страной мирохозяйственной гегемонии и потерей позиций в сфере экономических учений. Гипотеза о существовании корреляции между доминированием государства в глобальном хозяйстве и популярностью ее экономической теории — при всей ее интуитивно ощущающейся обоснованности — также пока не нашла своего эмпирического подтверждения.

Список вопросов, на которые еще предстоит ответить специалистам, изучающим парадокс “национальной неравномерности” в развитии ИЭУ, может быть продолжен. Но даже обозначенные проблемы актуализируют задачу дополнительного изучения этого феномена. Попробуем отчасти заполнить некоторые из данных лакун и сформулировать свое видение проблемы “страновой диспропорциональности” в развитии ИЭУ.

“Национальная неравномерность” в развитии ИЭУ: альтернативное объяснение

На мой взгляд, одной из возможных интерпретаций парадокса неравномерной представленности в мировой экономической науке учений разных стран может стать объяснение, предложенное мной в рамках *техницистской истории экономической мысли* (ТИЭМ) [Мальцев 2016^а]. В ней доминирование тех или иных экономических воззрений связывается с лидерством в глобальном хозяйстве отдельных стран, чьи традиции производства и распространения экономического знания становятся на период мирохозяйственного преобладания данных экономик своеобразным эталоном занятия экономической наукой. При этом высокое место государства в геоэкономической иерархии предопределяется прежде всего *технологическим превосходством*, выступающим своеобразным индикатором работоспособности общественных институтов, степени гражданских и религиозных свобод, высокого уровня благосостояния жителей и пр.

Развернутый анализ данных гипотез заслуживает отдельного монографического по объему исследования. Сейчас же предлагаю кратко остановиться на следующем положении ТИЭМ, призванном прояснить природу национальной неравномерности развития ИЭУ, а именно — увязке главенства страны в мировом хозяйстве с технологическим лидерством и отражении этой гегемонии в экономической теории. Для проверки данного предположения воспользуемся книгами “100 великих экономистов до Кейнса” и “100 великих экономистов после Кейнса”, систематизирующими биографические данные о самых значимых, на взгляд М. Блауга¹, экономистах, живших в XVII–XX столетиях; знаменитым трудом А. Мэддисона “Мировая экономика: тысячелетняя перспектива”, в котором сведены основные статистические показатели развития мировой экономики за 0–1998 гг.; списком важнейших инноваций за период с X в. до начала 1930-х гг., составленным Л. Мамфордом, а также перечнем ключевых научно-технологических открытий 1955 г. — начала 2000-х гг., предложенным американским журналом “Popular Mechanics”.

¹ М. Блауг, предвосхищая вопрос о корректности включения фамилии того или иного экономиста прошлого в свой список, писал: “Необходимо отметить, что это мой персональный список великих имен в истории экономической мысли, и другой автор мог бы составить несколько иной перечень экономистов. Однако я уверен, что референдум среди историков экономической мысли подтвердил бы 90 или, возможно, даже 95 процентов из моего списка” [Блауг 2005^а, с. 9].

**Взаимосоответствие лидерства отдельных стран
в мировой экономике с технологическими достижениями и положением
в глобальной экономической науке**

Страна	Период	Место в глобальном хозяйстве	Позиция государства в глобальном фонде важнейших технологических и технико-организационных инноваций	Представительство данной страны в списке наиболее известных ученых по версии Блауга
Великобритания	≈ 1750—1950 гг.	В зените своей экономической мощи в 1870 г. на долю Соединенного Королевства приходилось 9,1% мирового ВВП, что превышало аналогичный показатель ближайшего преследователя США (8,9%) и суммарный результат Австрии, Бельгии и Франции (8,5%)	Из 279 инноваций, созданных за 1755—1933 гг., и вошедших в список Л. Мамфорда, 33% новинок появилось на территории Британских островов	33 из 100 великих экономистов, занимавшихся наукой примерно с середины XVIII по середину XX в., творили в Британии
Великобритания	1950—2000 гг.	За 1950—1998 гг. доля Соединенного Королевства в мировом ВВП упала с 6,5 до 3,3%	Доля британских инноваций в топ-листе из 50 крупнейших открытий за 1955—2002 гг. составила лишь 6%	Число представителей Великобритании в списке 100 величайших экономистов второй половины XX в. снизилось до 12 ² .
Германия	1850—1913 гг.	К 1913 г. удельный вес Германии в мировом ВВП достиг самой высокой отметки за всю историю страны — 8,8%	Немецкие ученые в 1755—1933 гг. создали 12,5% всех технологических изобретений, систематизированных в реестре Л. Мамфорда (35 инноваций)	Среди 100 выдающихся экономистов докейнсианской эпохи доля немецких экономистов составила 15%
Германия	1950—1990 гг.	Доля ФРГ в глобальной экономике снизилась с 5% в 1950 г. до 4,3% в 1998 г.	В перечне из 50 важнейших инноваций 1955—2002 гг. не нашлось места ни единому открытию немецких ученых	В реестре 100 великих современных экономистов нет ни одной фамилии ученого из ФРГ

² Если воспользоваться “формальным” списком крупных экономистов, составленным Блаугом и Г. Вейном на основе частоты цитирования научных работ, опубликованных в 1990—2000-х гг., то ситуация с присутствием в нем британских экономистов окажется еще более драматичной: всего 5,5% самых упоминаемых экономистов современности (64 из 1 168) — резиденты Соединенного Королевства (рассчитано по [Blaug, Vane 2003, p. VIII–IX, 933–934]).

Страна	Период	Место в глобальном хозяйстве	Позиция государства в глобальном фонде важнейших технологических и технико-организационных инноваций	Представительство данной страны в списке наиболее известных ученых по версии Блауга
США	1950—2000 гг.	В конце XX в. удельный вес США в мировом хозяйстве превышал 1/5 глобального ВВП	Во второй половине XX в. доля американских изобретений в общемировом объеме технологических инноваций достигла отметки в 72% (36 из 50)	После окончания Второй мировой войны экономисты из США закрепили за собой лидирующее положение в экономической науке, заняв 73 места из 100 в списке Блауга

Составлено по [Блауг 2005^a; Блауг 2005^b; Maddison 2001, p. 263; Mumford 1955, p. 438—446; Hutchison 2005].

Если моя догадка окажется верна, то эпоха доминирования отдельных стран в мировой экономике должна как-то соотноситься с количеством “местных” экономистов, попавших в топ-лист крупнейших ученых по версии Блауга и числом технологических новшеств, созданных на территории данных государств. Проверим данное соображение на примере Великобритании и США, занимавших в XIX и XX вв., соответственно, лидирующие позиции в глобальной экономике. Кроме того, протестируем его работоспособность на “кейсах” Германии, боровшейся в 1870—1940-е гг. за доминирование в мировом хозяйстве, но потерпевшей неудачу, а также Британии, окончательно распрощавшейся после Второй мировой войны с короной глобального лидера. Исходя из ТИЭМ, следует ожидать, что эти события должны сказаться на положении немецких и британских экономистов в глобальном “табели о рангах”. Основные результаты анализа сведены в таблице.

К информации, представленной в таблице, уместно добавить следующее. В первую очередь, отмечу, что сформулированная мною в рамках ТИЭМ гипотеза о взаимосвязи между достижением страной экономического могущества в масштабах глобального хозяйства и доминированием (или, по крайней мере, высокой значимостью) экономической науки данного государства находит подтверждение. Пока Великобритания последовательно переходила из ранга пионера промышленной революции в “мастерскую мира”, а затем в “глобальную империю, над которой никогда не заходит солнце” [Reinert 1994, p. 8], именно британские политэкономы определяли облик мировой экономической мысли. Таким образом, учитывая, что треть всех великих экономистов “долгого XIX столетия” трудились на территории Британии, известное утверждение “политическая экономия — это английская наука” принимает совсем не пафосно-банальное звучание.

Пожалуй, только немецкие ученые могли как-то оспорить монополию британцев на экономическое знание в XIX в. К 1913 г. Германия стала крупнейшей экономикой Европы, обогнав своего главного конкурента — Соединенное Королевство. Стремительное превращение рыхлого скопления разрозненных государств в грозную индустриальную державу сопровождалось не менее впечатляющими успехами немецкой экономической теории. Из 100 наиболее влиятельных экономистов докейнсианской эры 15 представляли Германию, а если учесть, что среди 16 американских исследователей, чьи фамилии включены в этот же список, четверо (Дж.Б. Кларк, Э. Селигмен, Ф. Феттер, Р. Эли) продолжительное время учились или получали докторские степени в германских университетах, то след, оставленный “немцами” в ИЭУ XIX в., становится еще заметнее.

О доминировании США в мировой экономике во второй половине XX в., а также в современном экономиксе сказано уже немало. Проведенный анализ лишь

подтверждает эти наблюдения. Колоссальный экономический потенциал Соединенных Штатов корреспондирует с поразительным превосходством на экономико-теоретическом “поприще”. 73 из 100 экономистов, относимых Блаугом к числу наиболее авторитетных послевоенных ученых, работали в США, причем 32,9% (24 человека) оказались удостоены Нобелевской премии (рассчитано по <http://seinst.ru/page446>; https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/).

Впрочем, следует признать, что пока проведенный анализ только подкрепил цифрами кажущуюся во многом очевидной взаимосвязь между первенством страны в мировой экономике и успехами экономистов данного государства. Гораздо более значимый, на мой взгляд, результат заключается в том, что данные таблицы свидетельствуют в пользу справедливости и обратного утверждения — выход державы из борьбы за лидерство оборачивается если не превращением ее экономической науки в аутсайдера, то приводит к серьезной утрате позиций в глобальной экономико-теоретической иерархии. В самом деле, если немецкий “провал”, когда страна, подарившая миру А. Вебера, Г. Госсена, В. Зомбарта, К. Маркса, Г. Шмоллера и целый ряд других ученых первой величины, к концу XX в. оказалась вообще не представлена в списке Блауга, а доля немецких экономистов в рейтинге 1168 наиболее цитируемых специалистов 1990–2000 гг. составила мизерные 0,4% (рассчитано по [Blaug, Vane 2003, p. VIII–IX, 933]), еще как-то можно списать на миграцию в эпоху нацизма лучших кадров за океан, то дать объяснение практически трехкратному снижению представленности британцев в числе “100 великих экономистов после Кейнса”, игнорируя предлагаемый концептуальный подход, крайне затруднительно.

Как известно, Великобритании в первой половине XX в., к счастью, обошли стороной вихри тоталитаризма и пожары революций, охватившие континентальную Европу. Именно в Соединенном Королевстве находили пристанище некоторые американские экономисты, спасавшиеся в 1950-е гг. от маккартистских гонений. В британских университетах, как и прежде, трудились великие ученые, продолжая лучшие традиции экономической мысли. Тем не менее нельзя не заметить, что в послевоенные годы Британия и вместе с ней ее главный конкурент на континенте — ФРГ больше “не являлись глобальными державами” [Henderson 1979]. Европейцы решили компенсировать утрату “глобального богатства и престижа после коллапса колониальных империй европейской интеграцией” [Gerrits 2016, p. 43].

Впрочем, отказ от претензий на глобальное лидерство вовсе не привел к катастрофическому удару по позициям Британии, равно как и Германии, в мировом ВВП. Это по-прежнему крупные экономики, обеспечивающие своему населению высокий уровень жизни. Скорее всего, одного снижения доли страны в глобальной экономике явно недостаточно для утраты главенства в экономической теории.

Прорывные инновации — одно из условий лидерства в глобальной экономике?

Если мы обратим внимание на третий и четвертый столбцы таблицы, то сможем увидеть достаточно любопытную картину. Доминирование того или иного государства в глобальном хозяйстве (или стремление к обретению гегемонии) всегда сопровождалось крупными достижениями в технологической сфере. Прежде чем предложить свое объяснение того, как сочетаются эти явления, необходимо еще раз оговориться: автор настоящих строк отнюдь не технологический детерминист. Большое количество технологических инноваций, созданных в той или иной стране, на мой взгляд, представляет собой один из важнейших маркеров работоспособности институтов этих государств. В этом плане я разделяю точку зрения Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Д. Робинсона, утверждающих, что “способность экономических институтов... поощрять технологические инновации, инвестировать в человеческий капитал и мобилизовывать таланты и навыки значительного числа людей — это необходимое условие экономического роста” [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 111].

По меркам своего времени Британия XIX в. и Германия рубежа XIX–XX вв. неплохо вписывались в образ идеальных инновационных площадок, “открытых для новейших идей, инноваций и практик, а также толерантных к провокационному или иногда бунтарскому поведению” [Acemoglu 2013]. Однако отказ от крупных экономических амбиций и превращение, по словам З. Бжезинского, Европы “в de facto военный протекторат Соединенных Штатов” [Brzezinski 2001, p. 31] вылилось в снижение конкурентного давления на европейские государства. Это обстоятельство вкупе с активным строительством в Западной Европе во второй половине XX в. государств всеобщего благоденствия привело к тому, что, используя удачное сравнение Д. Асемоглу (Аджемоглу), Дж. Робинсона и Т. Вердые, в рамках современной рыночной экономики появились две условные модели социально-экономического развития – “приятный” (*cuddly*) капитализм, характерный преимущественно для стран Северной Европы, и “безжалостный” (*cutthroat*) капитализм, ярким примером которого являются США.

Данные формы хозяйственного устройства различаются прежде всего уровнем имущественной дифференциации. Как показано Д. Асемоглу (Аджемоглу) и его соавторами, свойственные США – в сравнении со странами Европы – более высокий показатель неравенства и меньшая социальная защищенность, усиливают стремление американцев к победе в конкурентной борьбе, результатом чего оказывается большее количество технологических новшеств, созданных на территории “безжалостных” Соединенных Штатов, нежели в натягивающих надежную социальную сеть безопасности для своих жителей “приятных” европейских государствах. Со временем американские инновации, созданные, в том числе выходцами из “приятного” Старого Света, заимствуются европейцами, что дает странам Европы возможность поддерживать высокий уровень жизни населения, но не позволяет выбиться в когорту лидеров глобального хозяйства [Acemoglu 2012].

Другой важной отличительной чертой многих государств ЕС выступает стремление правительств, заинтересованных в поддержании занятости и сохранении высоких социальных гарантий, оберегать хозяйственные системы от ветров “созидательного разрушения”, освобождающих капитал от оков “умирающих” фирм и переносящих его в новые сектора экономики [Tilford, Whyte 2011]. Отчасти из-за этого европейские страны главным образом специализируются на создании не прорывных, как США, а улучшающих инноваций [Hall, Soskice 2001]. Главное различие между двумя типами технологических новинок кроется в том, что радикальные инновации обеспечивают “основные сдвиги в продуктовых линейках и производственных процессах”, тогда как улучшающие – нацелены на “немасштабные улучшения в существующих линиях продуктов и производственных процессах” [Taylor 2016, p. 113].

Разумеется, нельзя утверждать, что один тип новшеств лучше другого. Тем не менее все больше экспертов разделяют точку зрения, что именно в способности генерировать радикальные инновации и умении сопрягать их с социальными изменениями кроется секрет экономического лидерства. В XIX в. европейцы “успешно комбинировали технологические прорывы с общественными инновациями”, и в частности поэтому Европа доминировала в мировом хозяйстве [Hübner 2005, p. 6]. Однако переход европейских государств после Второй мировой войны к активному трансферу американских технологий [Eichengreen, Vazquez 1999], хотя и сократил их отставание от США по производству душевого ВВП, но так и не позволил ЕС стать полноценным лидером глобальной экономики. Не случайно, в ходе опроса экспертов, проведенного Европейской комиссией в 2016 г., 4/5 респондентов назвали недостаток прорывных инноваций одной из главных преград для экономического роста Европы [Excellent Response... 2016].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что индикатором глобального лидерства наряду с показателем удельного веса той или иной экономики в мировом хозяйстве могут также считаться особенности технико-институциональной среды государств. Данные, сведенные в таблице, во многом подтверждают этот вывод. Несмотря на то, что авторы использованных мной для заполнения третьего столбца

таблицы трудов не оговаривали, к какому типу открытий – прорывному или улучшающему – относятся составленные ими списки инноваций, можно смело утверждать, что львиная доля из перечисленных в их работах новшеств относится к категории радикальных.

Поэтому, памятуя о хозяйственных достижениях Великобритании в XVIII – начале XIX вв., Германии в 1870–1900-е гг. и США в XX в., трудно не согласиться с У. Томпсоном и Р. Реувени, утверждающими, что восхождение страны “к глобальному лидерству зависит от успеха в монополизации радикальных инноваций в ведущих секторах промышленности и торговли” [Thompson, Reuveny 2010, p. 12]. Однако прорывные технологии, обеспечивая странам-пионерам глобальное доминирование в их освоении, не могут выполнять функцию вечного генератора экономического роста. Рано или поздно происходит исчерпание их потенциала, за которым идет следующее поколение радикальных инноваций, сопровождающееся появлением нового государства-лидера, опередившего другие державы в инновационной гонке. Изменение расклада сил в мировом хозяйстве ведет к переориентации экономик “чемпионов” предшествующей волны технико-экономического развития на производство улучшающих инноваций. Это позволяет данным странам сохранять достаточно высокое положение в глобальном “табеле о рангах”, но является шатким плацдармом для борьбы за преобладание в геоэкономической иерархии.

Связь экономической мысли и хозяйственной практики

Установив, что выявленная связь между числом инноваций и позицией государства в мировой экономике, вероятно, не просто совпадение, попытаемся объяснить, как связаны между собой доминирование той или иной страны в глобальной экономике и популярность ее экономистов. В самом деле, как я уже писал [Мальцев 2016^а], подлинные аналитические сокровища в области экономической теории, могут появляться без какой-либо связи с социально-экономической реальностью и, таким образом, действительно, становятся плодом гениальных озарений великих мыслителей прошлого. Однако в таком случае признание заслуг экономиста, равно как писателя или музыканта должно зависеть лишь от степени его мастерства.

Между тем, в отличие от представителей творческих профессий из стран, не входящих в ядро мирового хозяйства, их соотечественники-экономисты крайне редко получают международную известность. Если исходить из популярного в экономическом мейнстриме представления об *economics* как части корпуса точных наук, то объяснение феномена “национальной неравномерности” в развитии экономической мысли становится еще более сложным. Ведь физики, химики, биологи и математики из “периферийных” стран, как правило, гораздо более известны, нежели их соотечественники-экономисты. Отсылки к политической ангажированности международного сообщества экономистов, пытающегося по идеологическим мотивам игнорировать достижения ученых из стран, расположенных за пределами центра глобального хозяйства, на мой взгляд, выглядят малоубедительно. В частности, в такой трактовке непонятно, почему наряду с якобы замалчиваемыми открытиями исследователей из государств, условно “враждебных” текущему лидеру мировой экономики, в числе лауреатов Нобелевской премии по экономике или наиболее цитируемых ученых современности не часто или вообще не фигурируют экономисты из стран, “дружественных” США.

Думаю, для объяснения проблемы “национальной диспропорциональности” в ИЭУ прежде всего следует не забывать о том, что экономическая мысль всегда контекстуально нагружена. На эту идею, в частности, неоднократно обращал внимание У. Митчелл: “Важные начинания в экономической теории являются интеллектуальными ответами на изменение текущих проблем”. Ф. Найт также подчеркивал, что “направление развития экономической теории в Великобритании после Смита в значительной степени детерминировалось экономическими проблемами, с которыми

сталкивалась страна...” (цит. по [Mackie 2016, p. 46]). Даже если ограничиться анализом лишь основных вех в развитии экономической мысли второй половины XX — начала XXI столетий, то и здесь ее связь с крутыми виражами хозяйственной жизни выглядит неразрывной. “Экономические идеи, — указывает один из авторитетнейших современных специалистов по ИЭУ Р. Бэксаус, — развивались в качестве ответа на внешние события и проблемы, начиная от цели предотвращения повторения Великой Депрессии... [необходимости осмысления] макроэкономических неурядиц 1970-х гг. и заканчивая [потребностью анализа] последствий краха СССР... и трансформаций мировых финансовых рынков” [Backhouse 2010, p. 65]. Несложно заметить, что перечисленные здесь события в первую очередь затрагивали развитые государства, и в особенности США.

Отсюда напрашивается вывод — в мире ценятся только те экономические идеи, которые позволяют решать насущные задачи лидера глобального хозяйства. Концепции, появившиеся в других государствах, вне зависимости от их аналитического совершенства, будут представлять интерес только в той степени, в которой они могут быть полезны державам-гегемонам. Не случайно тонкий знаток ИЭУ из Мичиганского университета Д. Фусфельд вывел следующий критерий значимости экономических теорий: «экономическая идея считается “важной” только тогда, когда она поддерживает цели стоящих у власти» (цит. по: [Bertaux 1997, p. 50]).

Также не стоит забывать, что основу для своих рассуждений экономист часто черпает из окружающей действительности. Поэтому тезис члена-корреспондента РАН В. Федорова, что “подняться до уровня Шумпетера, Кейнса или Фридмана можно лишь на острие проблем современности, с которыми сталкивается и решает передовая экономика” [Федоров 2001], представляется весьма оправданным. Как было показано выше, глобальное лидерство обычно строится на овладении прорывными технологиями. В государствах, ориентированных на радикальные инновации, чаще чем в странах, специализирующихся на улучшающих нововведениях, происходят структурные трансформации, обеспечивающие местных экономистов богатой эмпирикой для теоретизирования. Постоянные штормы “созидательного разрушения”, порождаемые внедрением радикальных технологий, формируют спрос на постижение этих процессов со стороны бизнеса и правительства, не скупящихся на финансирование научных изысканий, нацеленных на изучение данных проблем. Благожелательное отношение к нешаблонным идеям, также свойственное экономике, ориентированной на прорывные инновации, притягивает таланты со всего мира. Укрепление позиций “чемпиона” технологической гонки в мировом хозяйстве, с одной стороны, усиливает спрос на “импорт” ее экономической теории со стороны стран периферии, видящих в ней волшебный эликсир, способный решить едва ли не все накопившиеся социально-экономические проблемы, а с другой — ведет к активизации “экспорта” экономико-теоретических стандартов государства-гегемона, усматривающего в их распространении способ закрепления доминирования своих идеологических установок (подробнее см., например, [Morgan 2001, p. 34–35]).

О шансах быть услышанными

В схематичном описании страны, ориентированной на радикальные новшества и популяризацию своей экономической теории, легко читается образ, например, сегодняшних США, но пока плохо угадываются черты, скажем, современных Китая или России. Но означает ли это, что экономистам из государств, не очень хорошо вписывающихся в эти описания, уготована роль пасынков, вынужденных донашивать кафтаны, сшитые в столицах экономико-теоретической моды? На мой взгляд, экономисты из стран, расположенных за пределами ядра глобального хозяйства, вовсе не обречены на роль вечных париев экономической теории.

Дело в том, что, как предупреждал еще “отец истории” Геродот, человеческие дела функционируют по кругу, соответственно, это не позволяет одним и тем же народам

всегда процветать, то есть мирохозяйственная гегемония того или иного государства не вечна. Так, в последние годы эксперты все чаще стали выражать тревогу по поводу состояния мотора хозяйственной динамики США — инновационной системы, ориентированной на генерацию радикальных новшеств. Один из индикаторов проблем в сфере создания нововведений в экономике глобального гегемона — сокращение числа стартапов и “доминирование в технологической отрасли старых компаний”. Согласно исследованию специалиста Института Брукингса Р. Литана, за 1978–2011 гг. доля фирм возрастом менее одного года в общей доле всех американских предприятий снизилась с 15% до 8% [Litan 2015, p. 47]. Как поясняет эти расчеты известный аналитик Ф. Закария, “проблема заключается в том, что старые фирмы в меньшей степени, чем молодые, склонны к риску, менее гибкие и больше тяготеют к улучшающим инновациям” [Zakaria 2015].

Авторитетные экономисты Р. Гордон и Т. Коуэн и вовсе утверждают, что США находятся в состоянии технологической стагнации [Gordon 2012; Cowen 2011]. Конечно, Соединенные Штаты уже неоднократно посрамляли алармистов, пророчащих им потерю главенствующих позиций в мировом хозяйстве. Однако, судя по всему, сегодня задача поддержания страны глобального лидерства наталкивается на более труднопредодолимое препятствие, нежели выход их хозяйственной системы на своеобразное технологическое плато. Основная угроза Соединенным Штатам, с точки зрения Асе-моглу (Аджемоглу), исходит от того, что страна “начала катиться в сторону экстрактивных институтов” [Acemoglu 2012], которые, как известно, нацелены “на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части” [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 89]. Естественно, подобная институциональная среда плохо совместима с радикальными инновациями, несущими за собой креативное разрушение, опасное, в частности, для “финансовой олигархии, блокирующей необходимые реформы” [Johnson 2009].

Как показала историческая практика, американская экономика имеет уникальную способность к “самоизлечению” от такого рода институциональных недугов. Впрочем, для подобной “терапии” может потребоваться время. Вероятно, этим не преминут воспользоваться конкуренты США. Обострение борьбы за глобальное лидерство, скорее всего, создаст спрос на новые экономические концепции. В этом контексте небезынтересно задаться вопросом, как изменится популярность экономистов из разных стран в недалеком будущем.

Загадывать наперед — плохая привычка. Однако, если доминирование в сфере экономических учений — своеобразное продолжение геэкономической мощи, то можно ожидать, что вслед за реконфигурацией мирового хозяйства последует и изменение расклада сил в глобальной экономико-теоретической иерархии. Имеющаяся в распоряжении современных исследователей наукометрическая статистика позволяет с определенной долей уверенности судить о том, экономисты из каких государств будут определять облик экономической науки ближайших десятилетий. Пожалуй, лучшая информационная база для подобных прогнозов — рейтинги ведущих экономистов, составляемые международной электронной библиотекой RePEc (Research Papers in Economics). По состоянию на конец мая 2017 г., в RePEc зарегистрировано около 50 тысяч авторов и содержится 2,3 млн работ из 2800 журналов и 4500 препринтов. Зарегистрированные в RePEc авторы ранжируются по количеству публикаций, числу цитирований, объему журнальных публикаций, числу просмотров аннотаций статей и загрузок электронных версий их статей, а также количеству соавторов. По мнению авторитетных специалистов, рэнкинги RePEc — достаточно надежный способ оценки научных достижений ученых, занятых исследованиями в области экономики [Шумилов, Балацкий 2016].

В контексте нашего разговора наибольший интерес представляет рейтинг 100 ведущих молодых экономистов, чьи работы впервые появились в архивах RePEc в последние пять лет. Анализ представленности в нем исследователей из разных стран указывает на справедливость идеи Латова, согласно которой ослабление геэкономической

гегемонии США должно привести к усилению позиций в экономической теории не-американских ученых. Так, если в списке 100 величайших экономистов второй половины XX столетия Блауга удельный вес американцев достиг практически трех четвертей, то среди 100 сильнейших современных молодых специалистов в области экономики доля работающих в Соединенных Штатах экспертов составила уже лишь 42%³. Представленность европейцев в числе ведущих ученых в области экономических наук, напротив, возросла на 8% (с 23 до 31%). Однако это увеличение не идет ни в какое сравнение с усилением присутствия исследователей из государств БРИКС и других стран с формирующимися рынками, чья доля в молодежном рейтинге RePEc составила 14%, тогда как в список Блауга вошли лишь двое ученых (А. Льюис и А. Сен), которых можно с определенной натяжкой назвать представителями развивающегося мира.

Данные наблюдения, на мой взгляд, говорят о том, что современным экономистам следует не только перенимать теоретические лекала, созданные в столицах исследовательской моды (пока это по-прежнему американские университеты и *think tanks*), но и стремиться к разработке собственных концепций, сообразных хозяйственным реалиям стран, где они занимаются творчеством. Как показывает практика, крайне сложно предсказать, в какой стране и какие наработки могут быть востребованы в недалеком будущем. Скажем, едва ли завсегдатаи семинаров в Венском университете, спорившие в 1930-е гг. о существовании общего рыночного равновесия, равно как и энтузиасты теории игр из довоенных “интеллектуальных оранжерей” Старого Света догадывались, что их казавшиеся теоретическими “игрушками” идеи спустя считанные десятилетия сформируют ядро заокеанского *economics* и превратятся в глобальный мейнстрим.

Используя удачное сравнение Дж. Робинсон, можно представить экономическую науку в виде ящика аналитических инструментов, из которого практики периодически вынимают “гаечные ключи” для решения тех или иных хозяйственных задач. Очень часто “ключ”, созданный малозначимым мастером для выполнения второстепенной в настоящий период манипуляции, может затеряться в недрах “верстака”, но потом оказывается сверхвостребованным орудием. Поэтому, как отмечал М. Фридман, экономисты должны не только владеть “текущей версией” экономической теории, но и “развивать альтернативы... сохранять и поддерживать эти идеи, пока политически невозможное не станет политически неизбежным” [*Friedman* 2002, р. XIII–XIV].

* * *

Осмысливая опыт государств—лидеров мирового хозяйства на “своих” исторических этапах, можно сделать вывод, что пока экономика страны не страшится шумпетерианских бурь, не перестает быть привлекательным местом для миграции талантов со всего мира, остается родником радикальных новшеств и поощряет креативность своих граждан, ее экономическая мысль, скорее всего, будет править теоретический “бал”. Однако в подобном состоянии хозяйственная система не может находиться вечно. Переход от продуцирования радикальных инноваций к улучшающим, судя по всему, сопровождается завершением мирохозяйственной гегемонии. А это ведет к снижению престижа экономистов из страны — бывшего лидера глобального хозяйства и росту интереса к экономическим концепциям, созданным в других государствах.

Ставшие популярными в последние годы пророчества о скором “закате” США, на мой взгляд, малообоснованны, но вряд ли целесообразно игнорировать постепенную утрату Соединенными Штатами своего некогда казавшегося абсолютным доминирования в глобальной экономике. Для неамериканских исследователей в области экономических наук подобная ситуация дополнительно актуализирует задачу (наряду с изучением лучших достижений современной — по сути

³ Рассчитано по: Top 100 Economists (5 years or less) / <https://ideas.repec.org/top/top.young.html>

американской – экономической науки) разработки оригинальных концепций. Никто не может предсказать наступление момента, когда эти наработки будут востребованы практикой, но, как верно подчеркивал А. Мелтцер, функция экономистов заключается в том, чтобы “сделать эти идеи (немейнстримные. – *А.М.*) приемлемыми и достойными применения в тот момент, когда представляется такая возможность” (цит. по [Кляйн 2011, с. 189]).

Здесь вполне уместен совет С. Гуриева – исследователя в сфере экономических дисциплин из развивающихся стран: «Специалисты должны быть не только “читателями”, но и “писателями”: не просто ориентироваться в самых последних результатах экономической науки, но и работать на переднем крае науки» [Гуриев 2005]. Хотелось бы верить, что российские экономисты смогут, восприняв данную рекомендацию, с одной стороны, создать новые аналитические схемы, отвечающие вызовам, стоящим перед экономикой России, а с другой – интегрировать свои концепции в становящуюся все более плюралистичной⁴ экономическую науку XXI столетия, где они, надеемся, смогут получить признание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С. (2006) Методологические проблемы современной экономической науки // Вестник Российской академии наук. № 3. С. 203–208.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Блауг М. (2005^a) 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа.
- Блауг М. (2005^b) 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономическая школа.
- Гловели Г.Д. (2014) Меркантилистская геокультура и “прозельная горячность”: наследие Ю. Крижанича и И. Посошкова в контексте мир-системного подхода // Историко-экономические исследования. № 2. С. 239–269.
- Гуриев С. (2005) Уроки экономики: зачем нужны экономисты // Ведомости. 13 января.
- Кляйн Н. (2011) Доктрина шока. М.: Добрая книга.
- Латов Ю.В. (2007) Парадоксы истории экономических учений и их объяснение при помощи концепции мир-системного анализа // Историко-экономические исследования. № 3. С. 24–48.
- Мальцев А.А. (2016^a) Гипотеза о техницистской истории экономической мысли // Общественные науки и современность. № 5. С. 30–48.
- Мальцев А.А. (2016^c) Методологический ландшафт истории экономических учений: новые историографические альтернативы и возможности // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 1. С. 44–63.
- Мальцев А. (2016^b) Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. № 11. С. 135–158.
- Федоров В.П. (2001) Почему у нас нет великих экономистов? // Экономические стратегии. № 5–6. С. 30–33.
- Шумилов А.В., Балацкий Е.В. (2016) Академические рейтинги RePEc: вопросы построения и роль российских участников // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 111–138.
- Acemoglu D. (2013) Course 14.461 – Advanced Macroeconomics. Lecture 10: Creativity and Leadership. 2013. October 8 (<http://economics.mit.edu/files/9107/>).
- Acemoglu D. (2012) Daron Acemoglu on “Extractive” Politics and Us (<http://radioopensource.org/daron-acemoglu-on-extractive-politics-and-us/>).
- Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. (2012) Can’t We All Be More Like Scandinavians? Asymmetric Growth and Institutions in an Interdependent World // NBER Working Paper. No. 18441.
- Backhouse R. E. (2010) Economics // Backhouse R.E., Fontaine P. The History of the Social Sciences Since 1945. Cambridge: Cambridge Univ. Press. Pp. 38–71.
- Bertaux N.E. (1997) The Contributions of Daniel F. Fusfeld, Economist // Borderlands of Economics: Essays in Honour of Daniel R. Fusfeld / Nahid Aslanbeigui N., Choi Y.B. (eds.). London; New York: Routledge.

⁴Более подробно о ситуации в мировой экономической науке и восприятии некоторых тенденций в ее развитии российскими экономистами см. в [Мальцев, 2016^b].

- Blaug M., Vane H. (eds.). (2003) *Who's Who in Economics*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Brzezinski Z. (2001) *The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia*. Washington, DC: The CSIS Press.
- Cowen T. (2011) *The Great Stagnation*. New York: Dutton.
- Choi Y.B. (1996) *The Americanization of Economics in Korea // History of Political Economy*. 1996. Vol. 28 (Supplement). Pp. 97–122.
- Clarkson S. (1993) *Economics: The New Hemispheric Fundamentalism // Grinspun R., Cameron M. (eds.). The Political Economy of North American Free Trade*. London: Macmillan.
- Eichengreen B., Vazquez P. (1999) *Institutions and Economic Growth in Postwar Europe: Evidence and Conjectures* (<https://eml.berkeley.edu/~eichengr/research/vanark.pdf>).
- Excellent Response to Call for Ideas on European Innovation Council (2016) (<http://ec.europa.eu/research/index.cfm?pg=newsalert&year=2016&na=na-040516>).
- Friedman M. (2002) *Capitalism and Freedom*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Gerrits A. (2016) *Nationalism in Europe since 1945*. London; New York: Palgrave.
- Gordon R.J. (2012) *Is US Economic Growth over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds*. NBER Working Paper. No. 18315.
- Groenewegen P. (1996) *The Australian Experience // History of Political Economy*. Vol. 28 (Supplement). Pp. 61–79.
- Gualerzi D., Cibils A. (2014) *High Development Theory, CEPAL and Beyond // Cardoso J.L., Marcuzzo M.C., Romero Sotelo M.E. (eds.). Economic Development and Global Crisis: The Latin Economy in Historical Perspective*. Abingdon, New York: Routledge. Pp. 139–159.
- Hagemann H. (2011) *European Émigrés and the 'Americanization' of Economics // The European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 15. No. 5. Pp. 643–671.
- Hall P., Soskice D. (Eds.). (2001) *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundation of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Henderson N. (1979) *Britain's Decline; Its Causes and Consequences // The Economist*. June 2 (<http://www.economist.com/node/13315108>).
- Hübner K. (2005) *Spaces of Innovation: Introductory Remarks on the Comparative Political Economy of the New Economy // Hübner K. (Eds.). The New Economy in Transatlantic Perspective. Spaces of Innovation*. London–New York: Routledge. Pp. 3–21.
- Hutchison A. (2005) *The Top 50 Inventions of the Past 50 Years // Popular Mechanics*. December (<http://www.popularmechanics.com/technology/gadgets/a3420784671>).
- Johnson S. (2009) *The Quiet Coup // The Atlantic*. May (<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2009/05/the-quiet-coup/307364>).
- Kawamata M. (2000) *Scientific Contributions to International Journals // Ikeo A. (Eds.). Japanese Economics and Economists since 1945*. London; New York.: Routledge. Pp. 93–122.
- Litan R. (2015) *Start-up Slowdown. How the United States Can Regain It's Entrepreneurial Edge // Foreign Affairs*. January/February. Pp. 47–53.
- Mackie C.D. (2016) *Canonizing Economic Theory: How Theories and Ideas are Selected in Economics*. London; New York: Routledge.
- Maddison A. (2001) *The World Economy: A Millenial Perspective*. Paris: OECD.
- Morgan M. (2001) *The Formation of 'Modern' Economics: Engineering and Ideology: LSE Working Paper no. 62/01*. London School of Economics and Political Science.
- Mumford L. (1955) *Technics and Civilizations*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Reinert E.S. (1994) *Competiveness and Its Predecessors – a 500-year Cross-National Perspective*. Oslo: STEP Report.
- Rosser J.B. Jr., Holt R., Colander D. (eds.). (2010) *European Economics at a Crossroads*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Samuelson P. (1988) *The Passing of the Guard in Economics // Eastern Economic Journal*. Vol. 14, No. 4. Pp. 319–329.
- Taylor M.Z. (2016) *The Politics of Innovation: Why Some Countries Are Better Than Others at Science & Technology*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Tilford S., Whyte P. (eds.). (2011) *Innovation: How Europe Can Take Off*. London: Centre for European Reform.
- Thompson W.R., Reuveny R. (2010) *Limits to Globalization: North-South Divergence*. London; New York: Routledge.
- Zakaria F. (2015) *American Innovation is in Trouble // The Washington Post*. January 1.

Phenomenon of “national disproportionality” in the development of the history of economic thought: in search for alternative interpretation

A. MALTSEV*

*Maltsev Alexander – candidate of sciences (Economics), associate professor, Ural State University of Economics. Address: 62, 8 March st., Yekaterinburg 620144, Russian Federation. E-mail: almalzev@mail.ru.

Abstract

The article analyses some of the existing interpretations of the phenomenon of the “national disproportionality” in the development of the history of economic thought. Author puts forward his own explanation of the paradox of the uneven representation of concepts from different countries in the history of economic thought.

Keywords: economic science, “national disproportionality” in the development of the history of economic thought.

REFERENCES

- Acemoglu D. (2013) *Course 14.461 – Advanced Macroeconomics. Lektion 10: Creativity and Leadership*. 2013. October 8 (<http://economics.mit.edu/files/9107/>).
- Acemoglu D. (2012) *Daron Acemoglu on “Extractive” Politics and Us* (<http://radioopensource.org/daron-acemoglu-on-extractive-politics-and-us/>).
- Acemoglu D., Robinson D. (2015) *Pochemu odni strany bogaty, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, procvetaniya i nishhety* [Why some countries are rich, and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty]. Moscow: AST.
- Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. (2012) *Can't We All Be More Like Scandinavians? Asymmetric Growth and Institutions in an Interdependent World*, NBER Working Paper, no. 18441.
- Avtonomov V.S. (2006) Metodologicheskie problemy sovremennoy jekonomicheskoy nauki [Methodological Problems of the Modern Economics]. *Vestnik Rossijskoy akademii nauk*, vol. 76, no. 3, pp. 203–208.
- Backhouse R.E. (2010) Economics / Backhouse R. E., Fontaine P. *The History of the Social Sciences Since 1945*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 38–71.
- Bertaux N.E. (1997) The Contributions of Daniel F. Fusfeld, Economist / Nahid Aslanbeigui N., Choi Y.B. (Eds.). *Borderlands of Economics: Essays in Honour of Daniel R. Fusfeld*. London; New York: Routledge, pp. 45–67.
- Blaug M. (2005^a) *100 velikih ekonomistov do Keynsa* [Great Economists Before Keynes]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Blaug M. (2005^b) *100 velikih ekonomistov posle Keynsa* [Great Economists After Keynes]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Blaug M., Vane H. (eds.). (2003) *Who's Who in Economics*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Brzezinski Z. (2001) *The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia*. Washington, DC: The CSIS Press.
- Choi Y.B. (1996) The Americanization of Economics in Korea. *History of Political Economy*, vol. 28 (Supplement), pp. 97–122.
- Clarkson S. (1993) Economics: The New Hemispheric Fundamentalism. Grinspun R., Cameron M. (eds.). *The Political Economy of North American Free Trade*. London: Macmillan.
- Cowen T. (2011) *The Great Stagnation*. New York: Dutton.
- Eichengreen B., Vazquez P. (1999) *Institutions and Economic Growth in Postwar Europe: Evidence and Conjectures* (<https://eml.berkeley.edu/~eichengr/research/vanark.pdf>).
- Excellent Response to Call for Ideas on European Innovation Council* (2016) (<http://ec.europa.eu/research/index.cfm?pg=newsalert&year=2016&na=na-040516>).
- Fedorov V.P. (2001) Pochemu u nas net velikih ekonomistov? [Why don't we have great economists?]. *Ekonomicheskie strategii*, no. 5–6, pp. 30–33.
- Friedman M. (2002) *Capitalism and Freedom*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Gerriets A. (2016) *Nationalism in Europe since 1945*. London; New York: Palgrave.
- Gloveli G.D. (2014) Merkantilistskaja geokul'tura i “prozeln'naya goryachest'”: nasledie Ju. Krizhanicha i I. Pososhkova v kontekste mir-sistemnogo podhoda [Mercantilist Geoculture and “Proselyal Hotness”: the Legacy of Y. Krizhanich and I. Pososhkov in the Context of the World-System Approach]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 239–269.

- Gordon R.J. (2012) *Is US Economic Growth over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds*, NBER Working Paper, no. 18315.
- Groenewegen P. (1996) The Australian Experience. *History of Political Economy*, vol. 28 (Supplement), pp. 61–79.
- Gualerzi D., Cibils A. (2014) High Development Theory, CEPAL and Beyond. Cardoso J.L., Marcuzzo M.C., Romero Sotelo M.E. (eds.). Abingdon; *Economic Development and Global Crisis: The Latin Economy in Historical Perspective*. New York: Routledge, pp. 139–159.
- Guriev S. (2005) Uroki ekonomiki: zachem nuzhny ekonomisty [Lessons of Economics: Why Do We Need Economists]. *Vedomosti*, 13 janvarja.
- Hagemann H. (2011) European Émigrés and the ‘Americanization’ of Economics. *The European Journal of the History of Economic Thought*, vol. 15, no. 5, pp. 643–671.
- Hall P., Soskice D. (eds.). (2001) *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundation of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Henderson N. (1979) Britain’s Decline; Its Causes and Consequences. *The Economist*. June 2 (<http://www.economist.com/node/13315108>).
- Hübner K. (2005) Spaces of Innovation: Introductory Remarks on the Comparative Political Economy of the New Economy. Hübner K. (ed.). *The New Economy in Transatlantic Perspective. Spaces of Innovation*. London; New York: Routledge.
- Hutchison A. (2005) The Top 50 Inventions of the Past 50 Years. *Popular Mechanics*, December (<http://www.popularmechanics.com/technology/gadgets/a3420784671>).
- Johnson S. (2009) The Quiet Coup. *The Atlantic*, May (<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2009/05/the-quiet-coup/307364>).
- Kawamata M. (2000) Scientific Contributions to International Journals. Ikeo A. (Ed.). *Japanese Economics and Economists since 1945*. London; New York: Routledge, pp. 93–122.
- Kleian N. (2011) *Doktrina shoka* [The Shock Doctrine]. Moscow: Dobraja kniga.
- Latov Yu.V. (2007) Paradoksy istorii ekonomicheskikh ucheniy i ih ob’yasnenie pri pomoshchi koncepcii mir-sistemnogo analiza [History of Economic Thought Paradoxes and Their Explanation with the Help of the Concept of World-system Analysis]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 24–48.
- Litan R. (2015) Start-up Slowdown. How the United States Can Regain It’s Entrepreneurial Edge. *Foreign Affairs*. January/February, pp. 47–53.
- Mackie C.D. (2016) *Canonizing Economic Theory: How Theories and Ideas are Selected in Economics*. London; New York: Routledge.
- Maddison A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- Mal’tsev A.A. (2016^a) Gipoteza o tehnicistskoy istorii ekonomicheskoy mysli [Hypothesis about Technicist History of Economic Thought]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 5, pp. 30–48.
- Mal’tsev A.A. (2016^c) Metodologicheskii landshaft istorii ekonomicheskikh ucheniy: novye istoriograficheskie al’ternativy i vozmozhnosti [Methodological Landscape of the History of Economic Thought: New Historiographical Alternatives and Opportunities]. *Vestnik Moskovskogo un-ta*. Ser. 6. Ekonomika, no. 1, pp. 44–63.
- Mal’tsev A. (2016^b) Rossiyskoe soobshchestvo ekonomistov: osobennosti i perspektivy [Russian Community of Economists: Main Features and Perspectives]. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 135–158.
- Morgan M. (2001) *The Formation of ‘Modern’ Economics: Engineering and Ideology*: LSE Working Paper no. 62/01. London School of Economics and Political Science.
- Mumford L. (1955) *Technics and Civilizations*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Reinert E.S. (1994) *Competiveness and Its Predecessors – a 500-year Cross-National Perspective*. Oslo: STEP Report.
- Rosser J.B. Jr., Holt R., Colander D. (eds.). (2010) *European Economics at a Crossroads*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Samuelson P. (1988) The Passing of the Guard in Economics. *Eastern Economic Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 319–329.
- Shumilov A.V., Balackiy E.V. (2016) Akademicheskie reytingi RePEc: voprosy postroeniya i rol’ rossiyskikh uchastnikov [RePEc Academic Rankings: Construction Issues and the Role of Russian Participants]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 4, pp. 111–138.
- Taylor M.Z. (2016) *The Politics of Innovation: Why Some Countries Are Better Than Others at Science & Technology*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Tilford S., Whyte P. (eds.). (2011) *Innovation: How Europe Can Take Off*. London: Centre for European Reform.
- Thompson W.R., Reuveny R. (2010) *Limits to Globalization: North-South Divergence*. London; New York: Routledge.
- Zakaria F. (2015) American Innovation is in Trouble. *The Washington Post*. January 1.